

Мальчик оказался очень хорошеньким. Пусть он и был младше всего на два года, смотрелся он совсем хрупким — едва ли выше десятилетнего сына хозяина бакалейной лавки на углу.

Шэнь Нянь улыбнулся и отозвался:

— Привет.

Шэнь Чуншань рассчитывал, что ребята быстро сблизятся, и хотел оставить Гу Чжи с Шэнь Нянем, пока сам займётся установкой кондиционера. Но Гу Чжи упёрся наотрез. Он мёртвой хваткой вцепился отцу в шею и ни в какую не соглашался слезать. Делать нечего, Шэнь Чуншань с улыбкой повёл его во двор, на ходу бросив сыну:

— Сяо Нянь, там в кузове ещё чемодан Сяо Чжи остался. Забери, пожалуйста.

— Хорошо.

Шэнь Нянь подошёл к машине. Соседи перехватили его, став расспрашивать про новенького, но он отвечал уклончиво. Даже если правду вскоре узнает весь переулок, выкладывать всё первым было бы неловко. К тому же и сам Шэнь Нянь знал про Гу Чжи совсем немного.

Он подхватил чемодан и уже повернул к дому, когда Лян Цю, до этого молчавший неподалёку, схватил его за руку, преграждая путь:

— Твой отец совсем из ума выжил?

Даже Лян Цю, просто друг, знал, насколько плохо Шэнь Нянь переносит жару: чуть наступит летний зной — всё тело в потнице, да ещё и тепловые удары один за другим. А родной отец заявляет, будто сыну жара нипочём. Лян Цю закипал от обиды за друга.

Но сам Шэнь Нянь, казалось, ничего подобного не чувствовал. Или просто уже привык. Он лишь молча проглотил это.

Лян Цю, видя такое спокойствие, разозлился ещё пуще:

— Этому пацану всего десять! Неужели у него вообще никакой родни не осталось? А мать? А дедушки с бабушками?

— Отец спрашивал, — спокойно ответил Шэнь Нянь. — Мать умерла давно. А остальные... после того как с его отцом случилась беда, так ни разу и не объявились. Наверное, и не осталось никого.

— Сирота, конечно, жалко его, — без особого сочувствия пробормотал Лян Цю. — Но ты-то почему должен страдать? Он что, теперь в вашу семейную книгу пропишется? Настоящим братом тебе станет? Ты смотри у меня, держи ухо востро. По-моему, дядя Шэнь с ним носится больше, чем с тобой.

Шэнь Нянь на мгновение замер, а потом усмехнулся:

— Он просто поживёт у нас. Ни в какую семейную книгу его не вписывают, не переживай.

Лян Цю замялся, не зная, что ответить. Ему хотелось пойти следом, чтобы защитить Шэнь Няня, если того станут обижать, но он понимал, что толку от него внутри всё равно не будет. От бессильной злости он мог сгоряча ляпнуть глупость и только вгнать друга в краску. В итоге Лян Цю буркнул предлог и ушёл. Шэнь Нянь удерживать его не стал.

Когда Шэнь Нянь вернулся во двор, рабочие всё ещё ждали в тени, обмахиваясь сдёрнутыми с шеи полотенцами. Завидев парня, один из них нетерпеливо окликнул:

— Спроси у старших, куда ставить-то? Нам возвращаться пора.

— Сейчас узнаю, — откликнулся Шэнь Нянь и вошёл в дом.

Гу Чжи уже слез с рук Шэнь Чуншаня. Отец держал его за руку возле двери. Увидев вошедшего Шэнь Няня, мальчик инстинктивно отшатнулся за спину взрослого. Шэнь Чуншань погладил его по голове и с некоторой виной взглянул на сына:

— Сяо Нянь... В той комнате, которую мы отдали Сяо Чжи, слишком темно. Он боится. Я хотел...

— Хорошо, — перебил его Шэнь Нянь, даже не дав договорить. — Я уступлю ему свою.

Гу Чжи осторожно выглянул из-за спины Шэнь Чуншаня. Он смотрел на Шэнь Няня исподлобья, робко и забито, словно нашкодивший ребёнок.

Вскоре кондиционер смонтировали, и рабочие ушли. Зато двор и комнаты набились соседями по Тростниковому переулку. Увидев, что охладитель повесили в комнате Шэнь Няня (которая теперь досталась Гу Чжи), дедушка Чжан с одобрительной улыбкой заметил:

— Ну вот, это по-людски! А то ишь, вздумал чужого ребёнка любить пуще родного сына. Раз уж купил кондиционер, так пусть и Нянь пользуется.

Шэнь Чуншань, услышав это, будто только сейчас осознал, как всё выглядит со стороны, и невольно бросил взгляд на сына. Шэнь Нянь в это время молча и сосредоточенно собирал свои

вещи за письменным столом, делая вид, будто ничего не слышит.

Электричество ещё не дали, так что оценить прохладу никому не удалось. От духоты и толкучки в доме быстро стало нечем дышать, и соседи вскоре разошлись. Лишь тогда Шэнь Нянь принялся переносить свои вещи в соседнюю комнату — ту, что поменьше.

На самом деле разница была не так уж велика: разве что здесь было чуть темнее да душнее.

В прежней комнате он прожил без малого десять лет, так что вещей накопилось прилично — за один заход не управиться. Только он собрался вернуться за очередной охапкой, как в дверях появился Шэнь Чуншань.

— Сяо Нянь, иди лучше в мою спальню, — заговорил отец, помявшись на пороге. — А я переберусь сюда.

— Не нужно, — отрезал Шэнь Нянь. — Мне и здесь хорошо. Тихо, учиться никому не помешаю.

Шэнь Чуншань попытался возразить, но сын перебил его:

— Я всё равно большую часть дня в школе. Прихожу только переночевать. У вас в комнате тоже полно вещей, только лишний раз возиться. Пусть всё остаётся как есть.

Шэнь Нянь стоял на своём твёрдо. Шэнь Чуншань помедлил несколько секунд и сдался, но уходить не спешил. Было видно, что его что-то гложет. Шэнь Нянь молча ждал. Встретившись с сыном взглядом, отец неловко улыбнулся:

— Сяо Нянь, я про кондиционер...

— Если станет совсем жарко, я просто приду спать к Гу Чжи, — ровным тоном сказал Шэнь Нянь. — Комната большая, правильно сделали, что туда повесили.

Шэнь Чуншань облегчённо кивнул и просиял:

— Вот и ладно! Захолодает — спите вместе. Вы теперь братья, надо заботиться друг о друге.

На переезд и укладку ушёл почти час. Когда всё было готово, уже смеркалось. В Тростниковом переулке наконец дали свет — с улицы донеслись радостные крики местной детворы. Шэнь Нянь включил лампу, застелил кровать и, захватив чистую одежду, отправился в душ.

К ужину Шэнь Чуншань набрал в кулинарии кучу готовых закусок. За столом он без конца подкладывал лучшие куски в пиалу Гу Чжи, изредка вспоминая и о сыне, а сам почти ничего

не ел. Впрочем, у Гу Чжи аппетита не было — он едва притронулся к еде. Шэнь Нянь тоже ел без охоты: за день в душной каморке его разморило, подступала лёгкая тошнота.

— Сяо Чжи, — заговорил Шэнь Чуншань, вытирая руки. — Твой брат Нянь учится очень хорошо. Если возникнут сложности с уроками, сразу спрашивай его.

Гу Чжи подёрнул головой и посмотрел на Шэнь Няня. Тот ответил спокойным взглядом.

— Спасибо, брат Няньнянь, — послушно пробормотал мальчик.

Шэнь Нянь про себя удивился. Почему именно «брат Няньнянь»? По логике должно было быть «брат Шэнь» или хотя бы «брат Сяо Нянь», как его называл отец. Но мальчик, похоже, решил по-своему. За всю жизнь его никто так не называл, и это «Няньнянь» прозвучало непривычно, даже свежо.

Гу Чжи только появился в их доме, и Шэнь Чуншань буквально не сводил с него глаз. За весь ужин отец, кажется, ни разу не отвёл от мальчика пристального, словно ищущего что-то взгляда. Шэнь Нянь поймал себя на мысли, что никогда прежде не видел у отца такого выражения лица.

«Должно быть, отец Гу Чжи был для него очень дорогим человеком», — подумал Шэнь Нянь.

По привычке Шэнь Нянь потянулся собирать посуду, но отец его остановил:

— Не надо, я сам. Иди лучше к Сяо Чжи, у него вещи ещё не разобраны, помоги ему.

Чувствовал себя Шэнь Нянь неважно, поэтому спорить не стал и вместе с мальчиком пошёл в северный флигель.

Усадьба семьи Шэнь состояла из двух жилых построек — северной и западной, а двор между ними был вымощен фигурным кирпичом. В северном доме располагались гостиная и спальни, в западном — кухня с небольшой столовой. На восточной стороне комнат не было, только пустой пятачок. Раньше Ю Сяюэ высаживала там цветы; после её ухода забота о саде легла на плечи Шэнь Няня. Сейчас, в разгар лета, вся стена заплелась плющом, а у подножия буйно цвели розы. С юга же дворик подпирала сараюшка, куда сносили всё старьё, которое и выбросить жалко, и девать некуда.

Они вошли в северный корпус. Первая дверь по правую руку вела в комнату Гу Чжи. Мальчик замер на пороге, заслоняя собой проход. Он стоял спиной к Шэнь Няню и не шевелился.

Помолчав пару секунд, Шэнь Нянь тихо спросил:

— Вещей много? Помочь разобрать?

Гу Чжи обернулся.

— Не нужно, — отрезал он.

Шэнь Нянь даже растерялся. Дело было не в самом отказе, а в том, как это было сказано. И взгляд, и тон кардинально отличались от того кроткого мальчугана, который только что за столом звал его «братом Няньнянем». Перед ним словно стоял совсем другой человек.

В этом отпоре сквозила настороженность и явная, нескрываемая враждебность.

«Наверное, ещё не привык», — мельком подумал Шэнь Нянь. Навязываться он не стал и лишь спокойно кивнул:

— Хорошо. Если что понадобится — зови.

Гу Чжи ничего не ответил. Шэнь Нянь не стал ждать реакции и ушёл к себе.

В своей каморке он первым делом включил вентилятор, направив поток воздуха прямо на себя. Дверь закрывать не стал — в комнате стояла тяжёлая духота. Шэнь Нянь упал на кровать, справляясь с подступающими волнами головной боли.

Похоже, его всё-таки припекло.

Кое-как поднявшись, он залпом выпил два пузырька эликсира Хосян Чжэнци и снова лёг. Несмотря на тошноту, усталость взяла своё — сознание быстро поплыло. Сквозь полусон он услышал тихие шаги у двери. Кто-то ходил взад-вперёд, будто собираясь войти, но так и не решился окликнуть его и тихо удалился.

Когда Шэнь Нянь окончательно очнулся и бросил взгляд на порог, там никого не было. Всё казалось лишь лихорадочным сном.

Глубокой ночью он проснулся от невыносимой жары. Вентилятор лишь гонял раскалённый воздух, толку от него не было никакого. Шэнь Нянь поднялся, выключил прибор и решил подняться на крышу.

В бедняцких кварталах так делали все: когда летний зной становился невыносимым, люди забирались на крыши с циновками или одеялами. Если повезёт, продует ветерком, а если нет — всё равно лучше, чем задыхаться в четырёх стенах.

Приставная лестница стояла как раз под окном Гу Чжи. Шэнь Нянь старался не шуметь, чтобы не переполошить отца и не разбудить мальчика. Он лез осторожно, едва дыша, но всё равно чуть не сорвался со ступеней.

И дело было не в темноте и не в оступившейся ноге.

Мельком бросив взгляд на окно Гу Чжи, он заметил у самого стекла тёмный силуэт. И прежде чем Шэнь Нянь успел сообразить, не мерещится ли ему, снизу вверх, подсвечивая лицо, вспыхнул лучик фонарика. На секунду в темноте возникло лицо с жутким, оскаленным выражением.

Шэнь Нянь от неожиданности разжал пальцы. Лишь в последнее мгновение, за секунду до падения, он вспомнил, что висит на высоте, и мёртвой хваткой вцепился в перекладину. Когда сердце переболело и он вновь осмелился взглянуть на окно, у стекла уже никого не было. Лишь штора едва заметно колыхалась. Шэнь Нянь так и не понял, реальность это была или лихорадочный бред.

Переведя дух на середине лестницы, он всё-таки взобрался на крышу.

Поднимись он сюда раньше, обязательно услышал бы перекличку соседей с крыши на крышу — переулок любит покричать на ночь глядя. Но сейчас весь Тростниковый переулок погрузился в сон. Вокруг царила жутковатая тишина, нарушаемая лишь редким писком птиц да храпом с соседней кровли.

То ли от пережитого испуга, то ли от неспавшей жары, сон не шёл. Перед глазами всё стояло подсвеченное снизу лицо, а в ушах отзывались шаги отца, крадущегося у двери.

Кто-то на его месте, наверное, сгорал бы от обиды и гнева. Но Шэнь Нянь, оказавшись в эпицентре этой драмы, не чувствовал ни капли злости.

Да и на кого злиться? Причины просто не было.

Пусть они с Шэнь Чуншанем и числились в одной семейной книге, пусть по закону и звались отцом и сыном, Шэнь Нянь прекрасно знал: он ему не родной.

Эту тайну он случайно раскрыл в десять лет. Тайну, о которой ему никто не рассказывал и про которую все думали, будто он о ней не догадывается.

Поэтому Шэнь Нянь искренне не таил обиды. Для приёмного отца Шэнь Чуншань сделал больше чем достаточно: пусть искренней теплоты и не хватало, он никогда ни в чём сына не ущемлял. Шэнь Няню иногда хотелось спросить: зная, что перед ним чужой ребёнок, зачем он продолжал растить его? Зачем не бросил даже после того, как ушла Ю Сяюэ?

Но Шэнь Нянь так и не спросил. Не из страха лишиться крыши над головой — просто понимал: спросит он или нет, Шэнь Чуншань всё равно останется его отцом. А раз так, то и задавать этот вопрос не имеет никакого смысла.

<http://bllate.org/book/20601/2106134>